



ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА



СИРИЛ



ХЕЙР



ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ
УБИЙСТВО

Сирил Хейр
Чисто английское убийство

Серия «Золотой век английского детектива»

Cyril Hare
AN ENGLISH MURDER

Перевод с английского *О. Постниковой*

Печатается с разрешения United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

© Charles Gordon Clark, 1951

© Перевод. О. Постникова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

I. Дворецкий и профессор

Уорбек-Холл считается самым старым жилым домом в Маркшире. Угловая северо-восточная комната, служащая семейным архивом, – вероятно, самая старая его часть, и уж точно самая холодная. Вацлав Боттвинк, доктор философии Гейдельбергского университета, почетный доктор филологии Оксфордского университета, бывший профессор современной истории Пражского университета, член-корреспондент полудюжины научных обществ от Лейдена до Чикаго, почувствовал, как холод пробирает его до костей; он сидел, склонившись над страницами сложенных в стопку блеклых манускриптов, и время от времени отрывался от чтения, чтобы своим угловатым иностранным почерком выписать из них некоторые отрывки. К холоду он привык. Холодно было в его студенческой квартире в Гейдельберге, еще холоднее – в Праге в 1917 году, а холоднее всего – в концлагерях Третьего рейха. Он чувствовал холод; однако он не позволял холоду себя отвлекать – до тех пор, пока его пальцы слишком сильно немели, чтобы держать ручку. Холод был лишь надоедливым фоном для работы. Настоящим препятствием, которое беспокоило его в данный момент, был отвратительный почерк, которым третий виконт Уорбек записывал комментарии к письмам, полученным им от лорда Бьюта в первые три года правления Георга III. Ох уж эти заметки на полях! Ох уж эти неразборчивые сокращения и вставки между строк! Доктор Боттвинк начинал испытывать личную неприязнь к этому жившему в восемнадцатом веке аристократу. Получатель столь важной информации, хранитель государственных тайн, неизмеримо ценных для последующих поколений, в достаточной степени обладал чувством долга, чтобы сохранить письма нетронутыми, но затем вдруг решил испещрить самые ценные конфиденциальные сообщения неразборчивыми каракулями – о, это было невыносимо! Именно по этой причине изучение документов в Уорбеке заняло

вдвое больше отведенного на него времени. А время было дорого для стареющего ученого, чье здоровье уже было не тем, что прежде! И это будет *его* вина, если работа, которая должна была показать развитие английской конституции между 1750 и 1784 годами, останется неоконченной из-за смерти автора. Доктор Боттвинк сердито и недоуменно смотрел на лежащие перед ним каракули и сквозь два столетия шепотом слал проклятия на голову лорда Уорбека и его плохо очиненное перо.

В дверь осторожно постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел слуга. Это был пожилой дородный мужчина с неопределенным выражением лица, характерным для дворецкого из хорошего дома.

– Я принес вам чаю, сэр, – сказал он, опуская поднос на стоящий посреди комнаты стол.

– Благодарю вас, Бриггс, – сказал доктор Боттвинк. – Вы очень добры. Право, не стоило беспокоиться.

– Никакого беспокойства, сэр. Я и сам обычно выпиваю чашку чая примерно в это время, а сюда из буфетной всего один лестничный пролет.

Доктор Боттвинк серьезно кивнул. Он был в достаточной степени знаком с английскими традициями, чтобы знать, что даже в нынешнее время дворецкий, как правило, не объясняет, почему он подал чай находящемуся в доме гостю. Именно потому, что он находился здесь не совсем на правах гостя, Бриггс счел необходимым объяснить, почему для него не составило труда подняться на один лестничный пролет. Доктор Боттвинк смаковал это тонкое социальное отличие с несколько противоречивым удовольствием.

– И тем не менее, вы очень добры, Бриггс, – настойчиво сказал он, тщательно подбирая английские слова. – Даже если мы такие близкие соседи. Между нами говоря, мы с вами – единственные обитатели изначального здания Уорбек-Холла.

– Совершенно верно, сэр. Эта часть дома была на самом деле построена самим Перкином Уорбеком в...

– Ах, нет, Бриггс! – доктор Боттвинк наливал себе чай, но прервался, чтобы поправить дворецкого. – Вы можете говорить подобные вещи гостям и туристам, но не *мне*. На самом деле Перкин Уорбек – это миф; я хочу сказать, миф не в историческом смысле, а в отношении семьи лорда Уорбека. Между ними нет никакой родственной связи. Эта ветвь рода Уорбеков имеет совершенно иное происхождение, и я вас уверяю, гораздо более респектабельное. Все это записано в этих вот документах. – Он кивнул на стоящий у стены дубовый шкаф за своей спиной.

– Что ж, сэр, – вежливо ответил Бриггс, – по крайней мере, так говорят у нас в Маркшире.

Что бы там ни собирался возразить на это доктор Боттвинк, он сдержался. Вместо этого он пробормотал себе под нос: «Так говорят у нас в Маркшире...», и залпом выпил свой чай. Вслух он сказал:

– Этот чай очень бодрит, Бриггс. Он согревает сердце.

Он с некоторой гордостью взглянул на дворецкого, чтобы убедиться, что тот оценил его владение английскими идиомами. Бриггс позволил себе слегка улыбнуться.

– Именно так, сэр, – сказал он. – Сегодня очень холодно. Кажется, будет снег. Судя по прогнозу погоды, можно ждать белого Рождества.

– Рождества?! – доктор Боттвинк поставил чашку. – Неужели уже почти конец года? В таком месте совершенно теряешь счет времени. Рождество в самом деле скоро?

– Послезавтра, сэр.

– Я и понятия не имел. Я занимаюсь этой работой гораздо дольше, чем намеревался. Я и так уже слишком долго злоупотребляю гостеприимством лорда Уорбека. Возможно, он сочтет мое пребывание здесь неудобным в такое время. Мне следует спросить его об этом.

– Я взял на себя смелость, сэр, заговорить об этом с его светлостью как раз сегодня, когда подавал ему чай. Он выразил желание, чтобы вы оставались его гостем на время праздников, если вы сочтете это удобным.

– Это очень любезно с его стороны. Я воспользуюсь возможностью лично поблагодарить его за это, если он сможет меня принять. Кстати, как он сегодня?

– Его светлости лучше, благодарю вас, сэр. Он поднялся, но еще не спускался.

– Поднялся, но еще не спускался, – задумчиво повторил доктор Боттвинк. – Поднялся, но не спускался! Английский – прекрасный в своей выразительности язык!

– Верно, сэр.

– Кстати, Бриггс, вы только что говорили о праздниках. Я полагаю, что при нынешних обстоятельствах празднование будет носить чисто умозрительный характер?

– Прошу прощения, сэр?

– То есть не будет ни пирушек, ни... ни... – он нетерпеливо защелкал пальцами, пытаясь подобрать нужные слова, – ни шумного веселья?

– Не могу сказать, сэр, в какой именно форме будут проходить празднования; но думаю, можно предположить, что Рождество будет тихим. Его светлость пригласил лишь нескольких членов семьи.

– О, так, значит, гости будут? И кто именно?

– Сэр Джулиус приедет сегодня вечером, сэр, а завтра...

– Сэр Джулиус?

– Сэр Джулиус Уорбек, сэр.

– Но он ведь канцлер казначейства в нынешнем правительстве, так?

– Именно так, сэр.

– Из моих бесед с лордом Уорбеком у меня сложилось впечатление, что его политические взгляды носят совершенно иной характер.

– Политические взгляды, сэр? Насколько я понимаю, сэр Джулиус приедет просто в качестве двоюродного брата лорда Уорбека.

Доктор Боттвинк вздохнул.

– После стольких лет, – сказал он, – я порой чувствую, что никогда не пойму Англию. Никогда.

– Я еще нужен вам, сэр?

– Прошу прощения, Бриггс. Мое вульгарное континентальное любопытство отрывает вас от работы.

– Вовсе нет, сэр.

– Тогда, если вы выдержите в этом ледяном холоде еще минутку, я был бы рад, если бы вы сказали мне еще кое-что важное для меня. Кем именно я буду являться в доме в период этих рождественских праздников?

– Сэр?

– Наверное, мне будет лучше держаться в тени? Лорд Уорбек был очень любезен, обращаясь со мной как с гостем, но я, естественно, не жду, что окажусь в равном положении с членами его семьи – особенно когда его светлость поднялся, но еще не спускался. Ситуация довольно деликатная, а, Бриггс?

Дворецкий кашлянул.

– Вы говорите о еде, сэр? – спросил он.

– В общем, да, я полагаю, еда представляет собой основную трудность. В остальное время я вполне могу заняться делом здесь, наверху. Что вы посоветуете?

– Я осмелился упомянуть об этой проблеме в разговоре с его светлостью. Трудность, как вы понимаете, сэр, в персонале.

– Признаюсь, я не очень понимаю эту трудность.

– В прежние времена, сэр, – продолжил Бриггс, предавшись воспоминаниям, – не было бы никакого беспокойства. Было бы четыре работника в кухне, и два лакея под моим началом, и, конечно же, те слуги, что приехали бы с гостями, тоже могли бы помогать. Но при том, как обстоят дела сейчас – я ведь один, и я сказал его светлости, что никак не смогу подавать еду отдельно для

всех. Одна подача в столовой и одна в комнате для слуг – это все, с чем я могу справиться; и конечно, нужно еще отнести поднос наверх его светлости. Поэтому, если вы не возражаете, сэр...

– Я вполне понимаю, Бриггс. Я сочту за честь столоваться с вами, пока здесь будут гости.

– О, нет, сэр! Я совсем не это имел в виду. У меня бы и мысли не возникло предложить подобное его светлости.

Доктор Боттвинк понял, что, несмотря на все свои усилия, он в очередной раз допустил оплошность.

– Что ж, – покорно сказал он, – отдаюсь в ваши руки, Бриггс. Значит, я буду завтракать, обедать и ужинать с членами семьи?

– Если не возражаете, сэр.

– Возражать? Мне? Надеюсь, что это они не будут возражать. В любом случае, я буду счастлив познакомиться с сэром Джулиусом. Возможно, он просветит меня касательно некоторых вопросов конституционной практики, которые я все еще нахожу неясными. Может быть, вы расскажете мне, с кем еще мне предстоит познакомиться?

– Будут только две дамы, сэр, – леди Камилла Прендергаст и миссис Карстерс.

– Леди Прендергаст тоже член семьи?

– Не леди Прендергаст, сэр, – леди Камилла Прендергаст. Это титул по обычаю ^[1]. К ней обращаются «леди Камилла», потому что она графская дочь. Она племянница первого мужа покойной ее светлости. Мы считаем ее членом семьи. Миссис Карстерс – не родственница, но её отец много лет был пастором этого прихода, и она, так сказать, выросла в этом доме. Это все гости – не считая мистера Роберта, конечно.

– Мистер Роберт Уорбек, сын хозяина дома – он приедет сюда на Рождество?

– Разумеется, сэр.

– Да, – сказал сам себе доктор Боттвинк, – полагаю, это естественно. Странно, что я о нем не подумал. – Он повернулся к

дворецкому. – Бриггс, а мне никак нельзя все-таки столоваться в комнате прислуги?

– Сэр?

– Не думаю, что мне доставит большое удовольствие сидеть за одним столом с мистером Робертом Уорбеком.

– Сэр?

– О, теперь я вас шокировал, Бриггс; мне не следовало этого делать. Но знаете ли вы, кто такой мистер Роберт?

– Конечно, знаю, сэр, – сын и наследник его светлости.

– Я говорю о нем не в этом смысле. Разве вы не знаете, что он является президентом этого начинания, которое именует себя «Лигой Свободы и Справедливости»?

– Насколько я понимаю, так и есть, сэр.

– «Лига Свободы и Справедливости», Бриггс, – очень медленно и четко произнес доктор Боттвинк, – это фашистская организация.

– В самом деле, сэр?

– Вас это не интересует, Бриггс?

– Я никогда особо не интересовался политикой, сэр.

– Ох, Бриггс, Бриггс, – сказал историк, с печальным восхищением качая головой, – если бы вы знали, как вам повезло иметь возможность так говорить!

II. Гости

Сэру Джулиусу Уорбеку укрыли пледом колени, он обменялся несколькими последними словами со своим секретарем и устало откинулся на спинку сиденья в машине, удалявшейся от Даунинг-стрит. Рядом с ним на сиденье лежал служебный портфель, содержащий последний отчет о крайне важных переговорах, которые в тот момент велись с правительством Соединенных Штатов в Вашингтоне от имени казначейства. Этот отчет должен был занять его на те два часа, что ему предстояло ехать до Уорбека – ни одна минута драгоценного времени канцлера не должна была проходить впустую; но он потянулся к нему лишь тогда, когда машина уже проехала лабиринты центральных улиц Лондона и на ровной скорости покатила по автостраде.

Он положил портфель на колени, открыл его и принялся изучать листы с мелким печатным шрифтом. Великолепно составленный отчет, подумал он, именно такой, которого можно ожидать от Карстера. Он почувствовал легкую гордость при воспоминании о том, что изначально именно он открыл Карстера. Десять лет назад мало кто предвидел положение, которое мог занять этот молодой человек, и сэра Джулиус, который обычно без колебаний воздавал себе должное за свои достижения, полностью одобрял себя за то, что тогда был одним из этих немногих людей.

Зимнее небо застилало мрачные тучи, грозившие снегом; цифры начали плясать перед усталыми глазами канцлера. Он был рад воспользоваться этим предлогом, чтобы вернуть наполовину прочитанный отчет в портфель и снова откинуться на спинку сиденья. Карстерс! Это имя вновь возникло в его мыслях, вызвав легкое раздражение. Да, несомненно, этот парень далеко пошел, и пойдет еще дальше. Многие осведомленные служащие говорили о нем как о следующем канцлере казначейства, и сэра Джулиус, обладавший прагматизмом опытного политика, признавался себе,

что никто не вечен, и что ему следует быть благодарным за то, что существуют столь способные плечи, готовые взвалить на себя это бремя, когда для него настанет час это бремя передать. (Не то чтобы этот час пробьет скоро, что бы там ни думали некоторые люди, включая самого Карстерса!) Но он также вынужден был признаться себе, что в самой глубине души ему не нравится этот его блестящий молодой коллега. Было в этом человеке что-то такое, что, несмотря на его несомненный шарм и талант, было не совсем... *«благородного происхождения»* – именно эти ужасные слова промелькнули в его голове. Вздрогнув, он изгнал их из своих мыслей. Нет, так нельзя! Алан Карстерс – отличный парень. Не его вина – скорее, это можно поставить ему в заслугу, – что он сделал успешную карьеру, изначально имея столь мало преимуществ. Вспомнив о своем собственном обеспеченном происхождении, он мысленно прошелся по этапам карьеры Карстерса. Начальная школа, стипендии, Лондонская школа экономики, удачный брак; да, весьма удачный брак, размышлял сэра Джулиус. Не поощряй его эта активная, амбициозная женщина – добился бы он вообще чего-нибудь, несмотря на весь свой ум? Миссис Карстерс должна приехать в Уорбек-Холл – так сказал его кузен. «Нужно не забыть сказать что-нибудь учтивое о ее муже», – напомнил он себе. Почему-то ему всегда было трудно быть учтивым с миссис Карстерс. У нее была манера преуменьшать значимость всех политиков, кроме ее обожаемого Алана. А сэра Джулиус не одобрял, когда его значимость преуменьшали.

Некоторое время он сидел, рассеянно глядя прямо перед собой. Через стеклянную перегородку ему были видны неподвижные спины двух молчаливых мужчин, сидевших впереди. Его оскорбляла эта их неподвижность и холодность даже по отношению друг к другу. Почему бюрократический аппарат всегда стремится превратить людей в бездушные автоматы? Сэру Джулиусу нравилось думать о себе как о доброжелательном, дружелюбном человеке, который осознает – как ему и следует – свое положение и все, что с ним

связано, но при этом в разумных пределах остается человеческим и доступным. Но как бы он ни старался, ему никогда не удавалось наладить отношения с этими двумя. Наверняка что-то с ними не так. Холли, водитель, был еще ничего. Его родители жили неподалеку от Маркхэмптона, и сэру Джулиусу стоило немалых усилий договориться, чтобы он взял машину, отправился на ней домой на Рождество, и заехал за ним в Уорбек-Холл после праздников. По крайней мере, он продемонстрировал хоть какую-то благодарность за этот жест, хотя она была и меньше ожидаемой. Но вот второй, Роджерс, – детектив, приставленный к нему особым отделом Скотланд-Ярда, – какие о нем можно было сделать выводы? Иногда он задумывался, а был ли Роджерс вообще человеком. В течение последних трех месяцев этот мужчина был его неизменной тенью, и при этом сэр Джулиус знал о нем не больше, чем в самом начале. Парень был спокойным и вежливым, отвечал, когда с ним заговаривали – и на этом всё. Несомненно, сэру Джулиусу следует считать, что ему повезло: у Роджерса не было откровенно неприятных черт, в отличие от его предшественника, который постоянно шмыгал носом; однако сэра Джулиуса это не удовлетворяло. Он приходил в уныние, находясь в обществе человека, о котором невозможно было составить никакого впечатления. В этом, насколько ему было известно, был корень всей проблемы. Сэр Джулиус, тщеславная и общительная душа, сделал карьеру, производя впечатление на других людей. Было горько сознавать, что судьба дала ему в охранники человека, которого испускаемые его личностью теплые лучи впечатляли не больше, чем холодный свет луны.

К этому моменту на лобовом стекле стали появляться снежинки, и дворники двигались по нему туда-сюда, щелкая с точностью метронома. Машина свернула с главной дороги и теперь ехала по маршруту, который, несмотря на сгущавшуюся темноту, становился все более знакомым взгляду сидящего в машине пожилого мужчины. Автомобиль проезжал милю за милей, и этот маршрут словно стал

продолжением его личности – так, как это случается только со знакомыми и любимыми с детства местами. Ибо это больше не была дорога, ведущая из Лондона в Маркшир – это был путь в Уорбек. И пока он ехал, что-то очень странное произошло с distinguished сэром Джулиусом Уорбеком, членом парламента, канцлером казначейства в самом прогрессивном социалистическом правительстве Западной Европы. Ему снова было пятнадцать лет, он ехал из Итона, чтобы провести рождественские каникулы со своим дядей, и пока сменяли друг друга памятные дорожные ориентиры, он вновь ощутил эту странную смесь гордости за принадлежность к одному из старейших родов Англии и зависти к своему двоюродному брату – наследнику всего великолепия этого прекрасного места. Когда машина замедлила ход, чтобы одолеть горбатый мост, отделявший деревню Уорбек от поместья, оказалось, что он даже сорок лет спустя бранит судьбу, сделавшую его отца младшим сыном и лишившую его того положения, которому он придал бы такое достоинство и приличие.

Машину потряхивало на неухоженной подъездной аллее, и это весьма действенно разрушило чары. Сэр Джулиус внезапно обнаружил, что он снова в середине двадцатого века, в мире, где владельцы исторических особняков были жалкими анахронизмами, беспомощно ждущими, что приближающаяся поступь социальной справедливости вытеснит их с привилегированных позиций, которые они слишком долго узурпировали. (Фразы из его последней предвыборной речи всплыли в его памяти, и он испытал победное удовлетворение. Школьник, испытывавший зависть сорок лет назад, был отмщен!) Не то чтобы он испытывал к двоюродному брату враждебность. Он оценил жест, который тот сделал, в последний раз пригласив в фамильный дом представителя нового порядка; и он выразил признательность, приняв это приглашение. Но это совершенно точно будет в последний раз. Лорд Уорбек недолго задержится на этом свете. Он ясно дал это понять в письме с приглашением. После него не будет больше ни Уорбеков, ни Уорбек-

Холла. Следующий госбюджет об этом позаботится. Что ж, пусть будет так. По крайней мере, старый порядок исчезнет вместе с приличным и достойным своим представителем. А что касается молодого Роберта... При одной мысли о Роберте и о том, что он поддерживает, кровь вскипала в жилах канцлера, так что в конце поездки из машины вышел покрасневший и сердитый без достаточных на то оснований мужчина.

– На каком поезде ты поедешь завтра, Камилла? – спросила свою дочь графиня Симнел.

– На двухчасовом. Сначала я пообедаю с женой Карстерса, а потом мы вместе поедем на поезде.

– Понятно. Тебе не будет с ней скучно?

Леди Камилла рассмеялась.

– Полагаю, будет, – сказала она. – Но выбора у меня нет. Дядя Том распорядился встретить меня именно с этого поезда, а такси от станции я не могу себе позволить, так что мне придется сесть именно на двухчасовой. Зато путешествие с ней освобождает от необходимости поддерживать беседу. Слушать ее тоже необязательно. Если принять умный вид, то она весь день будет говорить о своем ненаглядном Алане, не ожидая никакого ответа.

– Миссис Карстерс – зануда, – коротко заметила леди Симнел. – И в то же время ее преданность мужу вызывает восхищение. Счастлива та женщина, которая нашла цель в жизни, как это сделала она.

Леди Камилла ничего не ответила, но выражение ее красивого, умного лица дало понять, что она услышала в этих словах больше, чем лежало на поверхности.

– В Уорбеке будет холодно в это время года, – продолжила ее мать. – Надеюсь, ты берешь с собой достаточно теплых вещей.

– Беру все, что есть. Более того, я собираюсь все это носить. Причем разом. Я просто раздуюсь от одежды. Я знаю, каково бывает в Уорбеке в холода.

– А тебе не кажется, что было бы гораздо приятнее провести Рождество со мной, в Лондоне?

Леди Камилла обвела взглядом маленькую, хорошо обставленную гостиную в квартире матери и улыбнулась.

– Гораздо приятнее, дорогая мама, – согласилась она.

– Ты в самом деле считаешь, что тебе стоит ехать?

– Ну конечно, я должна поехать, мама. Дядя Том очень об этом просил. А поскольку это, возможно, последний шанс увидеть старика...

Леди Симнел фыркнула. То ли потому, что в этом фыркание было что-то неприятное, то ли потому, что сказанные ею слова прозвучали неубедительно даже для нее самой, но произнесенная Камиллой неоконченная фраза так и повисла в воздухе.

– Роберт будет там, я полагаю? – резко спросила леди Симнел.

– Роберт? О, наверное, да. Наверняка будет.

– Сколько времени прошло с вашей последней встречи, Камилла?

– Точно не знаю. Довольно много. Он...очень занят делами в последнее время.

– Очень занят делами, – сухо повторила леди Симнел. – Если можно назвать делом эту идиотскую Лигу Свободы и чего там еще. Он уж точно слишком занят, чтобы уделять время старым друзьям.

– Роберт, – сказала Камилла слегка запальчиво, – очень храбрый мужчина. Он доказал это на войне. Более того, он патриот. Можно не соглашаться со всеми его взглядами, но это не повод его обвинять.

– Что ж, – спокойно ответила ее мать, – тебе двадцать пять лет, и ты достаточно взрослая, чтобы понимать, что делаешь. Даже если оставить в стороне политику, я лично не думаю, что Роберт – такая уж завидная партия. Вряд ли он когда-нибудь сможет себе позволить жить в Уорбеке. Но это твои дела. Я считаю, что в такие вещи не следует вмешиваться. А что касается обвинений, то я всего лишь обратила внимание на то, что он уже довольно давно тебя избегает.

– Послушай, мама! – Леди Камилла резко повернулась на стуле, чтобы посмотреть матери в лицо. – Ты что, думаешь, что я бегаю за

Робертом?

– Ну, дорогая моя, я не знаю, какое для этого есть современное название, но в мое время подобное поведение называли бы именно так.

– Значит, ты совершенно права: бегаю. И когда я приеду в Уорбек, я хочу каким-то образом с ним объясниться. Я не могу так больше... Не могу. Если я ему не нужна, пусть так и скажет, а не пытается пойти на попятную, просто избегая меня. И кстати, хотела бы я знать: какого черта я ему не нужна?

Леди Камилла встала; фигура у этой молодой женщины была великолепная. Мать посмотрела на нее оценивающим, трезвым взглядом.

– Возможно, потому, что ему нужен кто-то другой, – заметила она. – Но тебе лучше поехать в Уорбек и, как ты выразилась, каким-то образом это выяснить.

Миссис Карстерс говорила по трансатлантической телефонной линии с Вашингтоном. Ее голос лился в телефонную трубку стремительным потоком слов, между которыми оставались лишь очень короткие промежутки для ответа. Она словно хотела получить наибольшую возможную стоимость в словах за свой трехминутный звонок.

– Чудесно слышать твой голос, дорогой, – говорила она. – Ты не слишком устал на работе? ...А ты точно хорошо ешь? ...О, конечно, дорогой, я знаю, но тебе нужно быть поосторожнее с пищеварением... Пообещай мне, что не станешь переутомляться, хорошо? ...Знаешь, мне на самом деле следовало бы быть там и заботиться о тебе... Да, дорогой, я знаю, и в конце концов я ведь тоже вношу свой маленький вклад – я тут, на посту, пока тебя нет. Я ведь писала тебе, что еду в Уорбек на Рождество? ... О да, канцлер будет там, глупый напыщенный старик... Ну, может, мне и не стоило, но ты ведь знаешь, что он такой и есть. Я просто бешусь от мысли о том, что он стоит у тебя на дороге, когда всем известно... Нет,

дорогой, конечно, не стану. Я буду с ним очень вежлива. Я думаю, сейчас он уже понимает, скольким он тебе обязан... Дорогой, ты слишком уж скромн. Если бы ты только знал, как я тобой горжусь. Во вторник я встречалась с премьер-министром, и то, что он о тебе говорил, доставило мне такую радость... Дорогой, это так мило с твоей стороны. Конечно же, я бы все что угодно сделала, чтобы тебе помочь, но маленькая слабая женщина может так мало... Да, я еду в Уорбек завтра. Приятно будет снова там побывать. Мне только жаль, что тебя не будет со мной... Алан, дорогой, не говори ерунды! Разумеется, твое присутствие было бы уместно где угодно! Разве ты не осознаешь, что ты теперь великий человек? Да я просто купаться буду в лучах твоей славы... О, нет, это будет не прием – просто небольшая семейная встреча... Да, боюсь, Роберт будет там... Знаю, дорогой, он отвратителен, но ничего не поделаешь. Жаль, он ведь был таким хорошим мальчиком... Но, дорогой, ты ведь не думаешь, что эта его Лига является чем-то опасным? ...Нет, нет, конечно же, нельзя обсуждать это по телефону, но я поняла намек, и обещаю, что буду очень осторожна... Да, дорогой, можешь на меня положиться, я сделаю все, что смогу. Я ведь всегда так и делаю, правда? ...О, Алан, дорогой мой, если бы ты знал, как я тобой горжусь. Вчера в «Дейли Трампет» о тебе вышла чудесная статья на главной странице. Как же я смеялась! Как подумаешь, что раньше «Дейли Трампет»... – И так далее, и так далее в том же духе.

В длинной мрачной комнате на верхнем этаже неиспользуемого склада в южном Лондоне Роберт Уорбек подводил к концу ежемесячное собрание руководителей секций Лиги Свободы и Справедливости. Это был высокий, красивый молодой мужчина с рыжевато-коричневыми волосами и застывшим взглядом фанатика в серых, слегка навывкате глазах. В течение последнего получаса он обращался примерно к дюжине мужчин, которые представляли собой смесь всех типажей и классов. Всем им было не больше тридцати пяти лет. Помимо полной сосредоточенности, с которой

они ловили каждое слово своего лидера, их объединяла еще одна общая черта: одежда. Подобно Роберту, они были одеты в серые фланелевые брюки и темно-красные пуловеры, слева украшенные вышитым белым клинком.

– На сегодня всё, джентльмены. Вас должным образом известят о дате следующей встречи. Вы свободны.

Все поднялись со стульев, минуту постояли по стойке «смирно» и отдали сложный салют, на который Роберт с серьезным видом ответил. За этим последовала минута разрядки. Отойдя вглубь комнаты, все стянули с себя пуловеры и отдали их одному участнику группы; оставшись в рубашках, они гурьбой вышли, чтобы внизу надеть жилеты и пиджаки – признаки штатской жизни.

Уорбек остался наедине с мужчиной, которому все отдали свои пуловеры. Он молча смотрел, как тот церемонно складывает их и убирает в большой шкаф, занимавший всю длинную стену комнаты. Потом он устало потянулся, снял свой пуловер и протянул его своему помощнику, чтобы тот убрал его в особое запирающееся на замок отделение.

– Придет время, – сказал он, – когда мы будем носить эту форму открыто. Но пока оно еще не настало.

– Да, шеф. – Ответ прозвучал уважительно, но слегка формально, словно отвечал человек, который уже слышал это замечание много раз. – Вот ключ от вашего шкафа, шеф.

– Благодарю.

– У вас усталый вид, шеф.

– Я буду рад отдохнуть несколько дней, – признал Уорбек, словно ему было стыдно сознаваться в человеческой слабости.

– Вы уедете из города завтра, шеф?

– Да. По дороге из Лондона я загляну в наше отделение в Фулхэме. Этим парней нужно научить тому, что такое дисциплина.

– Уж вы-то их научите, шеф.

– Я вернусь в начале следующей недели. Тогда мы сможем договориться насчет объединения в северном Лондоне. А пока, если

будет необходимость, вы знаете, как со мной связаться.

– Да, шеф. Надеюсь, вы приятно проведете Рождество.

Минуту Уорбек молчал. Глядя в зеркало, он задумчиво повязывал галстук.

– Спасибо, – наконец ответил он. – По крайней мере, мне будет приятно исполнить свой долг. У человека ведь есть долг перед своей семьей.

– Боюсь, компания у вас будет довольно утомительная, – рискнул заметить его помощник. Уорбек резко обернулся.

– Что вы хотите этим сказать? – свирепо спросил он.

– Ну, шеф, – с запинкой произнес помощник, – я... я просто хотел сказать... я имел в виду сэра Джулиуса, шеф.

– Джулиус? Черт, а он-то тут при чем?

– Я так понял, что он проведет Рождество в Уорбек-Холле, шеф. Разве это не так?

– Впервые об этом слышу.

– В сегодняшнем номере «Таймс» была об этом заметка, шеф. Я решил, что вы должны об этом знать.

– Боже! Должно быть, мой отец... – Он вовремя спохватился. Он чуть не забыл золотое правило: никогда не обсуждать личные дела с подчиненными. – Что ж, спасибо, что сообщили, Сайкс, – продолжил он, надевая пальто. – Я пропустил эту заметку в «Таймс». Я ведь обычно не читаю страницы для снобов. Предупрежден – значит, вооружен. Я не жалею о том, что у меня будет возможность высказать этому пустозвону все, что я думаю. Возможно, для него Рождество окажется не таким уж приятным. Доброй ночи!

– Доброй ночи, шеф.

Он вышел на унылую улицу, где редкий снег быстро превращался под ногами в серую слякоть.

III. Отец и сын

Снег повалил в полную силу только после наступления темноты, и раз начавшись, снегопад становился все гуще и продолжился даже на следующий день. Лорд Уорбек, пробудившись от чуткого сна, каким спят больные, увидел из окна, что его лужайки, сад, парк за ним и Маркширские холмы вдалеке стали одинаково белы; мелкие детали ландшафта исчезли, его очертания под слоем снега стали плавными и плотными. Все это выглядело бы точно так же, размышлял он, для любого человека, лежавшего в этой кровати в подобное утро, в любое время с тех самых пор, как почти двести лет назад Умелый Браун ^[2] переделал посадки в парке. Под снегом исчезли все следы небрежения и ветхости, появившиеся в последнее время. Подъездная аллея, обсаженная по бокам подстриженными липами, снова стала гладкой и прямой. Лужайка для игры в шары в кои-то веки демонстрировала ту ровную и гладкую поверхность, которой обладала в те времена, когда поддерживать ее в должном порядке входило в обязанности специально нанятого физически крепкого мужчины. Конечно же, все это было иллюзией. Достанет двух дней оттепели, чтобы обнажить кочки, ямы и сорняки реальности; а также, мрачно подумал он, полдюжины лопнувших труб в разных частях этого внушительных размеров дома, и ему нужно будет каким-то образом найти деньги, чтобы их починить. Неважно. Ему, преждевременно состарившемуся и больному, приятно было тешить себя этой иллюзией, пока она длилась, особенно потому, что, возможно, он делал это в последний раз.

Когда Бриггс принес ему поднос с завтраком, он сказал:

- После ланча я встану, Бриггс.
- Очень хорошо, милорд.
- Мне будет нужна твоя помощь, чтобы спуститься в библиотеку. Я выпью чаю с гостями.

– Доктор Кертис сказал, милорд...

– Доктор Кертис не приедет сюда в такую погоду. У него, как и у его отца, слабые легкие. Он не выносит резких похолоданий. Ему незачем об этом знать.

– Да, милорд.

– Как сегодня сэра Джулиуса?

– Кажется, сэр Джулиус в отменном здравии, милорд. Он позавтракал рано – почти так же рано, как доктор Боттвинк, и ушел к себе поработать. Он сказал, что собирается добавить еще полшиллинга к подоходному налогу, но я решил, что таким образом он хотел пошутить.

– Будем надеяться, что так, Бриггс. Мне подобная шутка кажется мрачноватой, но у всякого свой вкус. Слава богу у меня, кажется, мало шансов дожить до объявления следующего бюджета.

– В самом деле, милорд. То есть... я, конечно, прошу у милорда прощения... мы все надеемся...

– Ни слова больше об этом, Бриггс. Было бестактно с моей стороны обращаться к этой теме.

– Вовсе нет, милорд.

Бриггс, щеки которого заметно покраснели, собирался удалиться, но задержался в дверях и откашлялся. Лорд Уорбек, которому были знакомы эти симптомы, поднял глаза от завтрака.

– В чем дело, Бриггс? – спросил он.

– Меня не проинформировали, милорд, – сказал дворецкий с некоторым упреком, – что сэр Джулиус привезет с собой еще одного... человека.

– Еще одного человека? Не уверен, что я... Ох, боже мой, конечно: детектив. Глупо было с моей стороны позабыть об этом, но боюсь, это цена, которую мы должны платить за то, что принимаем у себя члена правительства. Надеюсь, вы не сочтете его пребывание здесь очень неприятным.

– Нет, милорд, дело не в этом. Я был несколько обеспокоен тем, где он будет есть. Но, подумав, я пришел к выводу, что можно

разрешить ситуацию, предложив ему столоваться с персоналом.

– Исходя из моего ограниченного знакомства со Скотланд-Ярдом, Бриггс, вы поступили совершенно правильно, – серьезно сказал лорд Уорбек. – Надеюсь, ваши коллеги одобрили это решение?

– Должен сказать, сэр, что вначале это вызвало на кухне некоторое беспокойство. Но всё уже позади.

– Рад это слышать.

– Ситуацию существенно облегчило то, что этот человек предложил помогать с мытьем посуды, милорд.

– Отлично! Похоже, это решило все ваши проблемы, Бриггс.

– Есть еще одно небольшое дело, милорд. Кажется, он считает, что ему позволят распоряжаться в доме.

– Не уверен, что понимаю вас.

– Обычно, милорд, – сурово сказал Бриггс, – от персонала ждут, что каждый его член будет находиться в отведенных для персонала помещениях, за исключением случаев, когда он должен исполнять свои обязанности. В нынешнее время, когда от нас ожидают, что мы станем исполнять обязанности, которые, строго говоря, не являются нашими, трудно придерживаться этого правила так, как мне хотелось бы, но насколько это возможно, милорд, я хотел бы сохранять традиции этого дома.

– Я тоже, Бриггс, видит бог! Я тоже.

– Что ж, милорд, это в высшей степени нарушит дисциплину, если этот человек, который в социальном смысле является членом обслуживающего персонала, посчитает, что может ходить куда ему заблагорассудится, и вообще станет совать нос во все углы дома, если позволите мне так выразиться, милорд.

– По долгу службы, Бриггс, не забывайте об этом.

– Службы, милорд?

– Понимаете, работой этого джентльмена является личная защита канцлера казначейства.

– Защита? – обиженно повторил Бриггс? – В этом доме, милорд?

– Согласен, в этом доме это будет настоящая синекура. Но боюсь, какое бы воздействие это ни оказало на дисциплину в доме, вам придется позволить ему делать его работу так, как он сочтет нужным.

– Как скажете, милорд. – В тоне дворецкого явственно прозвучало неодобрение. – Но я не представляю, от чего он, по его мнению, защищает сэра Джулиуса.

– От всего происходящего, я полагаю, – весело сказал лорд Уорбек. – От ужасов в ночи и стрелы, летящей днем.

Бриггс позволил себе улыбнуться.

– И от язвы, ходящей во мраке [3], милорд? – мягко спросил он.

– Нет, Бриггс. Даже члены правительства не могут обеспечить себе защиту от этого.

Роберт Уорбек прибыл около четырех часов дня в канун Рождества. Он был не в самом хорошем расположении духа. Беседа с отделением Лиги Свободы и Справедливости в Фулхэме прошла не так хорошо, как он ожидал, а на выезде из Лондона его задержала поломка в моторе. Затем, едва он свернул с главной дороги, снова пошел снег, так что на протяжении последних нескольких миль он ехал все медленнее и все с большим трудом. К тому времени, когда он остановил машину у парадной двери, он замерз, а ноги у него затекли. Бриггс тут же подошел, чтобы взять его сумку.

– Добрый день, мистер Роберт, – сказал он. – Надеюсь, вы в добром здравии? – Он говорил достаточно уважительно, но внимательный слушатель заметил бы, что в его тоне недостает теплоты.

– Да, благодарю, Бриггс. Я в полном порядке. Как отец?

– Его светлости лучше, сэр. Сегодня он встал с постели и сейчас находится в библиотеке.

– Хорошо! Я сразу пойду к нему.

– Мистер Роберт, не могли бы вы, прежде чем встретиться с его светлостью...

Однако Роберт то ли не услышал слов дворецкого, то ли предпочел не обратить на них внимания.

– Я поставлю машину позади дома, – резко сказал он. – Отнесите, пожалуйста, мою сумку ко мне в комнату.

Он отпустил сцепление, и машина исчезла за углом дома. Бриггс остался у открытой парадной двери с сумкой в руках. Пока он стоял, а снег падал на его лысую голову, самообладание, которое было присуще его чертам после стольких лет службы в доме, ненадолго исчезло, и лицо его приняло совершенно естественное выражение. Нельзя было сказать, что это лицо счастливого человека и что думает он о чем-то приятном.

Роберт оставил машину в каретном сарае, который служил гаражом. Он потратил некоторое время на то, чтобы накрыть капот накидкой для защиты от холодного воздуха. В дальних углах этого большого помещения все еще стояли полуразвалившиеся кареты из того золотого века, в котором еще были лошади и процветание. Затем он быстро прошел вдоль ряда пустых денников, пересек конюшенный двор и вошел в дом через боковую дверь. Двигаясь тихо и быстро, словно избегая возможности быть увиденным, он затем прошел в холл, задержался там лишь на минуту, чтобы снять пальто, и пошел напрямик в библиотеку.

Лорд Уорбек лежал на диване, который для него пододвинули поближе к камину. Он дремал, но при звуке открывающейся двери вздрогнул и проснулся. Когда он понял, кто этот вновь прибывший гость, его бледные щеки порозовели, и он сел на диване.

– Роберт, дорогой мой мальчик, рад тебя видеть! – воскликнул он.

– И я рад тебя видеть, отец. Прости, что я задержался, но дорога сюда была просто отвратительной.

Он пересек комнату и подошел к дивану; последовала крошечная, но заметная пауза, которую наблюдатель-иностранец вроде доктора Боттвинка, присутствуя он в комнате, отметил бы с интересом. В любой другой европейской стране встреча отца и сына при подобных обстоятельствах ознаменовалась бы объятием. Очевидно,

об этом не могло быть и речи. Роберт, разумеется, перестал целовать отца еще тогда, когда начал носить длинные брюки [4]. При встрече они, как и следовало англичанам, пожимали друг другу руку. Но есть что-то абсурдное в рукопожатии с лежащим человеком. В конце концов он пришел к компромиссу, слегка коснувшись одной рукой отцовского плеча.

– Садись вон там, – хрипло сказал лорд Уорбек, словно немного устыдившись такого проявления эмоций со стороны сына. Он указал на кресло, стоявшее по другую сторону камина. – Ты хорошо выглядишь.

– Да, спасибо, я в отличной форме, – сказал Роберт. – А ты выглядишь... – Он помолчал, и в голосе его зазвучала легкая тревога. – Как ты себя чувствуешь, отец?

– По большей части как обычно, – спокойно ответил лорд Уорбек. – Чувствую себя человеком, который тихо выжидает; жду, когда аневризма лопнет, или что там аневризмы делают. Прошло три месяца с тех пор, как молодой Кертис сказал мне, что я не доживу до Рождества; до него осталось несколько часов, так что я думаю, что дотяну. Я очень надеюсь, что ты сможешь мне продержаться и во второй день Рождества. Нет ничего хуже хозяина дома, который настолько дурно воспитан, чтобы решить испустить дух в такой момент.

Лицо Роберта, до этого выражавшее лишь сочувственный интерес, при словах «хозяин дома» приняло выражение сердитого неодобрения.

– Ты пригласил сюда Джулиуса, – сказал он ровным низким голосом.

– Да. Я упомянул об этом в последнем письме?

– Нет. Один из моих парней сказал мне. Он прочел об этом в газете.

– Что ж, газетчики в кои-то веки правы. Джулиус уже здесь, и, по словам Бриггса, занят тем, что добавляет что-то к подоходному налогу.

– Мне это не кажется смешным. – Говоря это, Роберт сердито смотрел в камин, и был так до нелепого похож на обиженного мальчика, что его отец, раздираемый противоречивыми чувствами – любовью и раздражением, – с трудом подавил улыбку. Но отвечая, он сумел овладеть собой.

– Шутка не очень хороша, признаю, но кажется, это сам Джулиус так пошутил. Ты должен винить его, а не меня. В любом случае, мне незачем говорить, что подоходный налог – это не шутки.

– Дело не в этом, – настаивал Роберт.

– Да, это я понял. Ты возражаешь против присутствия самого Джулиуса.

– Конечно, возражаю. Отец, как ты мог позволить ему приехать сюда – именно ему?!

– Послушай, Роберт, – голос лорда Уорбека, хоть и слабый, звучал по-настоящему властно. – Мы с тобой не всегда и не во всем соглашались, но думаю, что по-своему ты, как и я, испытываешь глубокие чувства в отношении традиций нашей семьи и традиций этого дорогого нам старого дома. Насколько я помню – и даже дольше, чем я могу вспомнить, – Рождество в Уорбеке означало воссоединение семьи и друзей. От семьи уже мало что осталось. Не считая тебя, Джулиус – мой единственный ныне живущий близкий родственник. А поскольку это Рождество, похоже, станет последним для меня на этой земле, я был бы о себе плохого мнения, если бы сейчас нарушил эту традицию. Вот поэтому я решил, что следует оказать ему гостеприимство.

– А ты можешь сказать, почему он решил, что ему следует им воспользоваться? – перебил Роберт. – Ты говоришь о традициях, отец. А ты когда-нибудь пытался поговорить об этом с Джулиусом? Он – враг всего того, что мы поддерживаем. Он больше чем кто-либо из ныне живущих занимается тем, что уничтожает традиции... уничтожает нас... уничтожает страну. Полагаю, ты понимаешь, к каким последствиям приведет этот бюджет, когда...когда...

– Когда я умру. Да, разумеется, понимаю. Это будет конец Уорбек-Холла. Мне жаль тебя, Роберт. Тебя постигла неудача родиться в первом поколении людей, лишенных права собственности. Мне повезло больше. Я могу сказать о себе древним латинским изречением: *Felix opportunitate mortis* [5]. Можешь написать это на моем надгробии, если викарий тебе позволит. Но знаешь, – продолжил он, не дав Роберту времени возразить, – я думаю, ты слишком преувеличиваешь ту роль, которую сыграл в этом вопросе Джулиус. В конце концов, это точно так же случилось бы и без него. Он – лишь номинальная фигура, за которой стоит нечто большее. Я думаю, что, несмотря на все его позерство, он время от времени это осознает, и в такие минуты я нахожу его довольно-таки жалким.

– Жалким?! – Роберта было не остановить. – Сказать тебе, что я о нем думаю? Он не кто иной, как предатель своего класса, предатель своей страны...

– Не кричи, Роберт. Ты приобрел эту гадкую привычку, выступая на улицах. Кроме того, мне это вредно.

– Прости, отец. – Роберт тут же превратился в само раскаяние. – Но у меня всегда плохо получалось прощать своих врагов.

– «Врагов»? Не слишком ли крепкое слово? Я не желаю Джулиусу зла. Он, как и все мы, находится во власти того, что доктор Боттвинк назвал бы *Zeitgeist* [6].

– Доктор Боттвинк? Это еще кто?

– О, весьма интересный человек. Ты скоро его увидишь. Он занимается исследованиями в семейном архиве. Вряд ли это твой типаж, но мне он нравится.

– Фамилия похожа на еврейскую, – с отвращением сказал Роберт.

– Я его об этом не спрашивал, но не удивлюсь, если так и есть. А это имеет значение? Но мне, наверное, не следовало тебя об этом спрашивать.

Роберт минуту помолчал, а потом невесело рассмеялся.

– Это и в самом деле немного забавно, – сказал он. – Я приезжаю в Уорбек на Рождество, и обнаруживаю, что провести его мне

придется с Джулиусом и каким-то евреем! Веселая у нас подобралась компания!

– Мне жаль, что ты так это воспринимаешь, мой мальчик, – серьезно сказал лорд Уорбек. – Вообще-то, доктор Боттвинк оказался здесь совершенно случайно. Но ты не будешь ограничен лишь его обществом. Мы нынче не можем позволить себе большого гостеприимства, но все не так плохо.

С видом человека, готового услышать худшее, Роберт сказал:

– Понятно. И кто же остальные участники приема?

– Я вряд ли был бы в состоянии устроить прием, Роберт, даже если бы дом это позволял. Как я уже сказал, это просто последняя встреча в семейном кругу. Мало осталось людей, которых можно отнести к этой категории. Во-первых, конечно же, миссис Карстерс...

Роберт застонал.

– Миссис Карстерс! Я так и знал!

– Самая давняя подруга твоей матери, Роберт. Она также была крестной матерью твоего бедного брата, если память мне не изменяет. Мне было бы стыдно не пригласить её.

– Какая разница, кем она была? Я возражаю против того, кто она сейчас. Она – жена Алана Карстера, и все, что ее заботит, – это как протолкнуть этого грязного политика вверх по грязной политической лестнице. К тому же, она невыносимо скучна, – добавил он.

– Что ж, – безропотно сказал лорд Уорбек, – будем благодарны за то, что грязный политик сейчас за границей и не станет тебя беспокоить. Будет еще одна гостья, – продолжил он. – Надеюсь, ты сочтешь это компенсацией за всех остальных.

В свете каминного пламени щеки Роберта казались красными. Он закусил губу, и повисла отчетливая пауза, прежде чем он повернулся и посмотрел на отца.

– Камилла? – спросил он.

– Да, Камилла. Надеюсь, ты рад.

– Я... Я какое-то время с ней не виделся.

– Я так и понял. Я надеялся, что поэтому ты еще больше обрадуешься возможности встретиться с ней.

– Спасибо, что подумал обо мне, отец.

– У меня в последнее время много времени для размышлений. Это одно из преимуществ, которым обладают больные в сравнении с обычными людьми. А ты и Камилла очень занимают мои мысли.

Роберт молчал.

– Я люблю эту девушку, – мягко продолжил его отец. – Ты ей очень нравишься, или же я сильно ошибаюсь. Раньше я думал, что тебе она тоже очень нравится. Ты сильно изменился за последние пару лет, но я надеялся, что не в этом отношении. Я не настолько ретроград, чтобы думать, будто родители сейчас могут распоряжаться жизнью своих детей, но для меня было бы большим утешением знать перед смертью, что ты пошел по правильному пути. Почему ты не сделаешь ей предложение, Роберт? Сделай это Рождество счастливым для вас обоих, и предоставь мне справляться с остальными гостями!

Сначала Роберт не ответил. Он закурил и нервно стряхивал сигаретный пепел в камин.

– Послушай, отец, – сказал он наконец, – я давно хотел поговорить с тобой об этом... об этом деле, но это трудно. Я...

Он резко замолчал, так как открылась дверь, и в комнату вошел Бриггс.

– Подавать чай, милорд?

– Я же сказал, что мы дождемся дам, Бриггс.

– Они только что прибыли, милорд. Как я понимаю, их задержал снегопад.

– Тогда мы будем пить чай немедленно. Скажите сэру Джулиусу, и спросите доктора Боттвинка, присоединится ли он к нам.

– Хорошо, милорд. Кажется, я слышу, что дамы уже идут сюда.

Он вышел и через мгновение вернулся, провозгласив:

– Леди Камилла Прендергаст и миссис Карстерс.

IV. Чай для шестерых

Внезапно возникло впечатление, что в комнате полно женщин. В спокойную мужскую атмосферу библиотеки, пахнущую дымом из камина и старыми книжными переплетами из телячьей кожи, вторглась новая волнующая стихия, созданная из женских запахов и звуков. Роберт почувствовал, что он и его отец сократились до незначительного меньшинства. Было трудно осознать, что на самом деле здесь присутствовали всего две женщины, и более того, одна из них была заметно молчалива. Однако ее недостаток самоуверенности вполне компенсировала ее спутница.

Когда друзья описывали поведение миссис Карстерс, они частенько говорили, что она «одна стоит многих», и так всегда было и будет; это описание подхватили и стали использовать и другие, менее дружелюбные комментаторы. Оно безусловно подходило к ее вторжению в библиотеку лорда Уорбека. Она заполонила ее подобно армии захватчиков, сея огонь направо и налево и оставляя население в состоянии потрясенной неподвижности.

– Дорогой лорд Уорбек! – воскликнула она, ворвавшись в комнату. – Как чудесно снова оказаться в этом милом старом доме! Вы были очень добры, решив пригласить меня, особенно с учетом того, что вы так нездоровы; но вам ведь лучше, не так ли? Мне сообщали о вас такие скверные новости, что в какой-то момент я в самом деле решительно *встревожилась*. Когда я получила ваше письмо с приглашением, я сначала едва поверила своим глазам, но я могла бы догадаться: это так похоже на вас – не забывать старых друзей, пусть даже наши дороги разошлись на долгие годы. Ах, Роберт, дорогой мальчик, как ты? С первого взгляда видно, что у тебя все хорошо. Боже мой, я боюсь, *наши* дороги чрезвычайно далеко разошлись! Но ничего, мы постараемся забыть о больных темах хотя бы на Рождество, правда? Рождество должно быть временем для забвения, так же как и для воспоминаний – я всегда так считала. Ох,

позвольте мне подойти к этому прекрасному камину и оттаять! Я совершенно заледенела!

Лорду Уорбеку удалось вставить в этот монолог вопрос о том, как прошла поездка.

– Ужасно, ужасно! Если бы меня не подбадривала перспектива увидеть дорогой Уорбек, я даже не знаю, как бы я это вынесла. Поезд, конечно, опоздал, и в нем было холодно! Я прямо-таки вспомнила скверные старые времена до национализации железных дорог; однако полагаю, в те времена мы бы вообще до вас не добрались! А потом была еще ужасная поездка на машине. В самом деле, когда мы добрались до Телеграф-Хилл, снег пошел такой густой, что мы уже начали думать, что не доедем. К счастью, водитель оказался весьма разумным молодым человеком, у него были с собой цепи, и он...

Решительно, комната была полна женщин. Но не миссис Карстерс, несмотря на всю ее болтовню, привлекала к себе наибольшее внимание. Пока лился этот безжалостный поток банальностей, Камилла Прендергаст тихо подошла к дивану и наклонилась к лорду Уорбеку. Последовал быстрый, едва слышный диалог, обмен поцелуями, а потом она выпрямилась и подошла к Роберту. Он стоял у окна, и лицо его было маской равнодушия.

– Ну, Роберт, как ты поживаешь?

– О, хорошо, спасибо. А у тебя все хорошо?

– Да, спасибо.

За время последовавшей за этими словами паузы история миссис Карстерс успела проделать путь от Телеграф-Хилл до сугробов в Тэнгли-Боттом. Тут Камилла рассмеялась.

– Кажется, нам больше нечего сказать друг другу, да?

– Похоже на то.

Она посмотрела в окно поверх его плеча. К оконным стеклам прилипали мелкие снежинки.

– Взгляни на этот снег! – сказала она. – Сыплет так, словно и не собирается прекращаться. Роберт, а тебе не приходило в голову, что

было бы просто убийственно, если бы мы оказались заперты здесь на долгие дни, и нам нечего было бы друг другу сказать, кроме «Как поживаешь?»

Роберт не смотрел на снег. Вместо этого он очень пристально смотрел на Камиллу. Внезапно он усмехнулся, но было ли его веселье подлинным, трудно было сказать.

– Совершенно чудовищно, – ответил он.

Появление Бриггса с чайным сервизом положило конец этой беседе – если ее можно было так назвать. Сразу вслед за ним вошел сэр Джулиус, потирая руки и излучая добродушие.

– Чай! – воскликнул он с видом человека, столкнувшегося с неожиданным угощением. – Великолепно! То, что нужно в такой холодный день!

– Надеюсь, на сегодня ты покончил с угнетением богатых, Джулиус, – сказал лорд Уор-бек. – Полагаю, мне не нужно тебя никому представлять.

– Представлять меня! – воскликнул сэр Джулиус с преувеличенным удивлением. – Полагаю, что нет. Камилла, дорогая, ты еще красивее, чем всегда!

– Благодарю вас! Знаете, я уже начала бояться, что никто этого не заметит.

– Моя дорогая юная леди, я не поверю, что кто-либо может быть настолько слеп. Если бы я был немного моложе, я бы... Ах, миссис Карстерс! Какое удовольствие видеть вас! Мы весьма кстати встретились. Я как раз читал один государственный документ, мастерски составленный неким джентльменом в Вашингтоне – весьма мастерски, даю вам слово. Ваш муж там отлично выполняет свою работу. Он нас всех просто поразил.

– Меня он не удивил, сэр Джулиус, – несколько резко прервала его миссис Карстерс. – Я давно знаю, что у него лучшая голова в парламенте по части финансов; я бы даже сказала, что и в стране... даже если...

– Даже если – что? – хорошее расположение духа сэра Джулиуса ничуть не изменилось. – Даже если, скажем, некий человек занимает должность канцлера казначейства, а мистер Карстерс нет? Ничего, его время еще придет. Будет и на его улице праздник, ведь все мы смертны. Скажите ему, что не стоит проявлять нетерпение. Это золотое правило политики.

Что-то очень похожее на усмешку донеслось от оконного проема, и сэр Джулиус быстро повернулся в ту сторону.

– А, Роберт, – сказал он заметно более холодным тоном, – я не заметил тебя там, у окна. Как ты поживаешь?

– Здравствуйте, – ответил Роберт так же холодно.

– Я так понимаю, ты только что приехал?

– Да. У меня вчера была важная встреча в Лондоне.

– Понятно. Лига Свободы и Справедливости, полагаю?

– А что, если и так? Разве вас это как-то касается?

– Я считаю, что это касается любого думающего мужчины и женщины в этой стране, кого волнует демократия.

– А я считаю, что то, что вы с таким удовольствием называете демократией...

– Камилла, ты, кажется, не знакома с доктором Боттвинком. – Спокойный голос лорда Уорбека прервал эту перебранку. – Очень любезно с его стороны проводить время здесь, копаясь в наших фамильных документах. Доктор Боттвинк, позвольте вас познакомить: леди Камилла Прендергаст, миссис Карстерс, мой сын Роберт. С сэром Джулиусом вы уже знакомы. Теперь, как мне кажется, наша небольшая компания в сборе. Вряд ли кто-то еще заглянет к нам в такой день. Задержите шторы, Бриггс. Камилла, ты не разольешь чай?

Напряжение спало. Занявшись монументальным серебряным чайником для кипятка, который Бриггс счел уместным по такому поводу, Камилла поймала себя на том, что в голове у нее крутится полузабытый стишок:

*Напились чайку и, не помня досад,
Все счастливы стали опять [7].*

По крайней мере на какое-то время воцарился мир. Вид сахарницы побудил миссис Карстерс вовлечь сэра Джулиуса в обсуждение технических деталей пошлин на сахар, привозимый из колоний. Роберт был поглощен беседой с отцом на какую-то столь же безобидную тему. Камилла заметила, что доктор Боттвинк смиренно стоит рядом с ней.

– Может быть, я поднесу лорду Уорбеку его чашку? – предложил он. – Кажется, все остальные заняты.

Она протянула ему чашку. Он неловко принял ее и чуть не уронил.

– Я должен извиниться за свою неуклюжесть, – серьезно сказал он, – но по правде говоря, мои пальцы слегка онемели.

Он благополучно донес чашку до лорда Уорбека и вернулся. Камилла заметила, что Роберт демонстративно и почти презрительно его игнорирует. Она нарочно задалась целью быть любезной с этим покинутым маленьким человеком.

– Вы работали в фамильном архиве с незатопленным камином? – спросила она. – Вы, должно быть, погибаете от холода!

– Нелегко погибнуть от одного только холода, если есть еда, – нравоучительным тоном ответил доктор Боттвинк. – По крайней мере, так подсказывает мой опыт. Но там действительно холодно. Ученые говорят, что существует состояние, известное как абсолютный холод, и я склонен думать, что фамильный архив недалеко ушел от этого состояния.

– Вы очень хорошо говорите по-английски, – рассеянно сказала Камилла. Она смотрела мимо него на Роберта. Со своим равнодушным удовольствием она заметила, что тот бросает сердитые взгляды в ее сторону, словно ее дружелюбие по отношению к этому иностранцу его раздражало. «Ну хотя бы так он мной интересуется», подумала

она. Она не могла устоять перед побуждением рассердить его еще больше. Прервав его беседу с отцом, она сказала:

– Дядя Том, доктор Боттвинк рассказывает мне об абсолютном холоде. Вы знаете, что это такое?

– Нет, Камилла, но уверен, что это нечто крайне неприятное.

– Кажется, это очень похоже на комнату, где хранятся фамильные документы.

– Я прошу прощения, – любезно сказал лорд Уорбек, поворачиваясь к историку. – Боюсь, в нынешние времена мне трудно обеспечить гостей тем комфортом, каким бы мне хотелось.

– Что вы, лорд Уорбек, уверяю вас, это пустяки. Мне не следовало этого говорить, даже в шутку. Много раз за свою жизнь я испытывал гораздо более сильный холод, так что повторюсь: это пустяки.

Доктор Боттвинк порозовел от смущения.

Роберт впервые обратился к нему напрямую:

– Без сомнения, в вашей родной стране гораздо холоднее, – медленно произнес он. – А могу я спросить, какая страна является вашей родиной?

Перед лицом этой преднамеренной грубости доктор Боттвинк снова стал совершенно спокоен.

– Трудно сказать точно, – ответил он. – По национальности я австриец, чех и немец – именно в таком порядке. Но я также немного русский, и случилось так, что родился я в Венгрии. Так что в моем происхождении довольно много ингредиентов.

– Включая еврейские, я полагаю?

– Разумеется, – ответил доктор Боттвинк с вежливой улыбкой.

– Доктор Боттвинк, не сочтите за беспокойство передать мне вон те маленькие пирожные, – вмешался лорд Уорбек. – Благодарю вас. Вы не представляете, как я стал завидовать людям, которые могут принимать пищу сидя. Есть лежа – это самое неопрятное из известных мне занятий.

Камилла поправила подушки за его спиной.

– Бедный дядя Том! – сказала она. – Это значит, вы не сможете поужинать с нами сегодня?

– Да, Камилла, именно так. Полагаю, я усну задолго до того, как вы встретите Рождество. Роберт будет хозяином вместо меня. Надеюсь, ты не против.

Камилла посмотрела на Роберта. Он слегка покраснел и избегал ее взгляда.

– Надеюсь, Роберт не против, – сказала она мягко. – Миссис Карстерс, могу я предложить вам еще чашку чая?

– Спасибо, дорогая, только не слишком крепкий. Как я уже говорила, сэр Джулиус, мой муж совершенно убежден, что производители сахара в колониях...

– Лорд Уорбек, – робко сказал доктор Боттвинк, – возможно, с учетом всех обстоятельств, было бы предпочтительнее, если бы я отказался от вашего любезного приглашения поужинать с вашей семьей сегодня вечером? Мне кажется, что может быть...

– Глупости, мой дорогой, – добродушно ответил его светлость, – я настаиваю, чтобы вы его приняли. Вы должны считать себя таким же гостем в этом доме, как и все остальные.

– Но...

– Ну конечно, вы должны поужинать с нами, – вставила Камилла. – Если вы откажетесь, мне не с кем будет беседовать. Еще чаю, Роберт? – невинно добавила она.

– Нет, спасибо, – многозначительно ответил Роберт и встал. – Если сегодня вечером я должен председательствовать на этом праздничном ужине, то мне лучше пойти и поговорить с Бриггсом о напитках.

Он демонстративно вышел из комнаты.

После его ухода возникла неловкая пауза. Миссис Карстерс, у которой временно иссякли описания проблем с колониальным сахаром, потрясенно и с выражением неодобрения смотрела ему вслед. Лицо лорда Уорбека покраснело от гнева, доктор Боттвинк был очень бледен. Рука Камиллы задрожала, и она поставила чашку

со стуком, который громко прозвучал во внезапно воцарившейся тишине. Только сэр Джулиус, поглощенный пережевыванием кекса с изюмом, казалось, не заметил, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Первым заговорил лорд Уорбек. Он тяжело дышал и с трудом выговаривал слова.

– Я... прошу прощения, – сумел выговорить он. – Мой единственный сын... гость в моем доме... Мне стыдно...

– Не терзайтесь, милорд, молю вас, – быстро сказал доктор Боттвинк, чей английский стал более формальным чем когда-либо из-за напряженности ситуации. – Я прекрасно осознаю свое положение. Этого небольшого прискорбного инцидента следовало ожидать. Он лишь укрепил меня во мнении, что мне не следует присутствовать за сегодняшним ужином. Я ведь именно так и сказал вчера вашему славному Бриггсу. Не подумайте, что я не ценю вашего гостеприимства, но там, где дело касается политических вопросов...

– Никакой политики в этом доме, – слабым голосом сказал лорд Уорбек.

– Пойдемте-ка со мной, – твердо сказала Камилла, – я хочу с вами поговорить. – Она взяла озадаченного Боттвинка под руку и отвела его в дальний конец комнаты. – Послушайте, я отлично знаю, какие чувства вы испытываете, но вы просто обязаны помочь нам довести до конца этот вечер. Он в любом случае будет довольно неприятным, но без вас и с Робертом в его нынешнем расположении духа все будет еще хуже.

– Хуже, леди Камилла? Я не понимаю. Как он может оказаться еще хуже, ведь это я – виновная сторона в его глазах.

– О, не воображайте, что только вы один! Вы послужили для него лишь поводом продемонстрировать дурные манеры. Он ненавидит сэра Джулиуса так же сильно – я бы даже сказала, сильнее, потому что он считает его человеком, который предал свой клан. И миссис Карстерс он терпеть не может – по той же причине.

– А вас, миледи? Вас он тоже ненавидит? И если так, то за что?

– А вот это, – медленно ответила Камилла, – я и приехала выяснить.

– Я вас понял.

– Благодарю. Я знала, что вы поймете. Вы кажетесь... понимающим человеком.

Доктор Боттвинк с минуту помолчал. Затем, взглянув в сторону дивана, он сказал:

– Это ведь огорчило бы лорда Уорбека, если бы я отказался?

– Его бы это очень расстроило. Этот прием был целиком его идеей, и вряд ли он устроит еще что-то подобное.

Доктор Боттвинк вздохнул.

– Я многим обязан лорду Уорбеку, – сказал он. – Я присоединюсь к вам сегодня вечером, леди Камилла.

– Спасибо. Я очень вам за это благодарна.

– И все-таки, – печально продолжил он, – боюсь, что в лучшем случае я буду чувствовать себя несколько не в своей тарелке. Помимо того, что я вызываю неудовольствие мистера Роберта, между мной и остальными гостями так мало общего.

– Я уверена, что вы можете поладить с кем угодно.

Доктор Боттвинк покачал головой.

– Это не так, – возразил он. – Я – человек довольно специфической квалификации. Я с нетерпением ждал встречи с вашим канцлером казначейства, поскольку существуют некоторые аспекты теории и истории конституции, которые имеют отношение к его посту и по поводу которых, как я думал, он сможет меня просветить. Но когда я поднял эту тему за завтраком, я обнаружил, что он весьма неотзывчив – я бы даже сказал, несведущ.

Камилла рассмеялась.

– Это было очень наивно с вашей стороны, доктор Боттвинк, – сказала она. – Вы и в самом деле ожидали, что член кабинета министров непременно будет разбираться в конституционной истории? Он слишком занят управлением своим министерством, чтобы беспокоиться о таких вещах.

– Боюсь, мои познания об Англии все еще несовершенны, – спокойно сказал историк. – На континенте раньше часто можно было встретить профессоров истории на министерских постах.

– Что ж, не думайте, что вы станете душой компании, настойчиво расспрашивая Джулиуса о британской конституции, – твердо сказала Камилла. – Он вообще ненавидит разговоры о службе. Разве вы не заметили, как утомила его миссис Карстерс болтовней о пошлинах на сахар? Нет, если вы хотите его разговорить, попробуйте затеять разговор о гольфе или рыбалке. Это единственные темы, которые его по-настоящему увлекают.

– Гольф и рыбалка, – серьезно повторил доктор Боттвинк. – Благодарю вас, леди Камилла. Я запомню. Возможно, с вашей помощью я даже наконец пойму английскую общественную жизнь!

V. Роберт в затруднительном положении

Роберт закрыл за собой дверь в библиотеку и со вздохом облегчения шагнул в коридор. Чтобы дойти до людской, ему нужно было повернуть налево, но вместо этого он после минутного колебания повернул в противоположную сторону. Он прошел всего несколько шагов и в удивлении остановился. У стены в углу коридора стоял человек, по всей видимости всерьез увлеченный созерцанием портрета шестого лорда Уорбека верхом на коне и в компании мид-маркширских фоксхаундов [8]. Незнакомец был одет в опрятный серый твидовый костюм и выглядел весьма крупным, но при этом умудрялся казаться незаметным. Похоже, он чувствовал себя совершенно свободно, и при приближении Роберта посторонился, чтобы пропустить его, с видом человека, который ждет, что его присутствие будет восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Роберт был не в настроении принимать что-либо или кого-либо как нечто само собой разумеющееся. Он почувствовал, что Рождество в Уорбеке превращается для него в череду неприятных сюрпризов. Присутствие еще одного нежданного гостя оказалось последней каплей.

– А вы, черт подери, кто еще такой? – свирепо спросил он.

– Мое имя Роджерс, сэр, – любезно ответил крупный мужчина. Его голос звучал странно обезличенно, словно исходил из чрезвычайно благовоспитанного автомата.

– И чего вы здесь шляетесь?

– Ну, сэр, шляюсь я по работе, если можно так выразиться. Вот моя карточка, сэр.

В его руке неожиданно материализовалась маленькая квадратная карточка, и Роберт прочел:

ПОЛИЦИЯ ЛОНДОНА. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ.

Джеймс Артур Роджерс, сержант полиции Лондона. Сим удостоверяется его право и полномочия исполнять обязанности, соответствующие занимаемой им должности.

– Понятно, – он протянул карточку владельцу, держа ее кончиками пальцев, словно само ее прикосновение было ему неприятно. – Так вы один из этих, да? А мы с вами раньше не встречались?

– Да, сэр. В последний раз – в воскресенье, двадцатого сентября, между восемью и десятью часами вечера.

– А?

– Уличный митинг. Лига Свободы и Справедливости, сэр. Я был на дежурстве.

– Ясно. А теперь, полагаю, они послали вас сюда, чтобы вы продолжали за мной шпионить?

– О нет, сэр. Я здесь на охранной службе – присматриваю за сэром Джулиусом.

Роберт откинул голову и расхохотался.

– Охрана! – сказал он. – Вот это забавно! Как будто она ему нужна! Я тебе вот что скажу, приятель, и можешь передать это своим начальникам в Скотланд-Ярде: когда наше движение придет к власти, ты и тебе подобные останетесь без работы.

– О нет, сэр, – невозмутимо ответил агент. – Точно так же говорили раньше друзья сэра Джулиуса, когда я присутствовал на их собраниях. Вам точно так же понадобится охрана. Она всем нужна.

Осторожное покашливание за спиной заставило Роберта резко обернуться.

– Прошу прощения, сэр, – Бриггс говорил вполне почтительно, но его взгляд выражал неодобрение. По-видимому, беседа между сыном хозяина дома и полицейским не предусматривалась традициями Уорбек-Холла. Он повернулся к сержанту Роджерсу. – Чай ждет вас в комнате экономки, мистер Роджерс, – быстро сказал он.

– Спасибо, мистер Бриггс.

– Не хочу вас задерживать, сержант, – с нажимом сказал Роберт.

– Очень вам благодарен, сэр, – благодушно и без капли смущения ответил Роджерс и удалился.

Роберт с отвращением смотрел ему вслед.

– Вот с чем нам нынче приходится мириться, Бриггс, – заметил он.

– Да, сэр. – Дворецкий снова кашлянул. – Простите, мистер Роберт, но удобно ли вам будет поговорить со мной сейчас?

Роберт повернулся и молча посмотрел на него. Бриггс сохранял почтительную позу, которую усвоил за долгие годы службы, но он встретил взгляд хозяйского сына и выдержал его не дрогнув, так что в конце концов первым взгляд отвел Роберт.

Тем же почтительным тоном Бриггс продолжил:

– Я затопил камин в курительной, сэр. Наверное, там будет удобнее всего.

Все еще молча Роберт прошагал по коридору, вошел в дверь, которую распахнул перед ним Бриггс, и бросился в кресло у камина в курительной. Дворецкий, как ему и следовало, остался очень прямо стоять в центре ковра, а Роберт вытянул перед собой длинные ноги и угрюмо уставился на носки своих ботинок. Тишина становилась все более гнетущей, и в конце концов Роберт не выдержал. Подняв взгляд, он внезапно рявкнул:

– Ну, Бриггс? Почему вы ничего не говорите?

– Я надеялся, сэр, что вы сами что-нибудь предложите.

– У меня нет предложений.

– В таком случае, сэр, позвольте мне обратить ваше внимание на то, что моя дочь Сьюзан сейчас...

– Слушайте, Бриггс! – Роберт вскочил, и его великолепная атлетическая фигура возвышалась над покорно стоявшим перед ним дворецким. – Что толку снова поднимать эту тему сейчас? Вы, так же как и я, прекрасно понимаете сложившееся положение. Мы уже столько раз об этом говорили. Я думал, что уж кто-кто, а вы станете мне доверять. Я обещал вам раньше, и могу пообещать сейчас...

– Обещания – это прекрасно, мистер Роберт, – ровным голосом сказал дворецкий, – но с тех пор прошло некоторое время, и сейчас нужно принимать в расчет двоих, не говоря уж обо мне. Самое время сделать что-нибудь.

– Вы в самом деле считаете, что сейчас подходящее время что-то делать, как вы выражаетесь? Сейчас, когда мой отец опасно болен, а в доме полно народа? Вы ведете себя в высшей степени неразумно, Бриггс. Все пока должно идти так, как идет. Когда у меня будет возможность поговорить с отцом, я это сделаю.

– Боюсь, этого недостаточно, сэр.

– Бриггс! – тон Роберта стал грозным. – Вы пытаетесь мне угрожать?

– Я бы не стал так выражаться, сэр.

– Это дело мое и Сюзан. Она совершеннолетняя и вполне способна о себе позаботиться. Если бы ее не устраивало нынешнее положение, она была бы здесь, чтобы сказать мне об этом.

– Она здесь, сэр, – спокойно сказал Бриггс.

– Здесь? – Роберт был заметно ошарашен. – Вы хотите сказать, что она в самом деле сейчас здесь, в этом доме?

– Именно, сэр.

Добрых полминуты Роберт молчал. Затем сказал тоном человека, признающего свое поражение:

– Полагаю, она хочет меня видеть?

– Нет, сэр. – Бриггс говорил так бесстрастно, словно обсуждал выбор послеобеденного ликера. – Она испытывает определенную неловкость от встреч с людьми в ее нынешнем положении. Это одна из причин, по которой она считает... мы считаем... что было бы желательно как можно скорее прояснить ситуацию.

– Понятно... Понятно. – Голос Роберта снова стал резким. – И вы привезли ее сюда, чтобы оказать на меня дополнительное давление? Отличный образчик шантажа, Бриггс, честное слово!

– Я против того, чтобы называть это шантажом, сэр.

– А что же это еще такое? У вас нет других известных мне причин пускать ее в этот дом.

– Сэр, – сказал Бриггс, впервые проявив нечто похожее на чувства, – насколько я понимаю, Рождество – это время воссоединения семьи, даже для дворецких. А что касается давления, то я надеюсь, в этом не будет необходимости. Мы все еще надеемся, что вы во всех отношениях поведете себя как подобает джентльмену.

Слово «джентльмен» в устах Бриггса прозвучало с такой силой и простотой, что на мгновение Роберт лишился дара речи. Возможно, лишь человек в положении Бриггса мог употребить это слово именно таким образом. Сам он по определению не был джентльменом, но он поклялся служить благородному сословию, и сейчас он взывал к тем нормам, согласно которым он и ему подобные прожили всю свою жизнь, и без которых эта служба опустилась бы до уровня простого холопства.

Роберт, хоть и был зол и встревожен, в какой-то степени ощутил то глубокое чувство, которым были наполнены спокойные слова дворецкого. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуть разговор в практическое русло.

– Вы только что сказали, что Сьюзан не хочет никого видеть. Но ведь другие слуги в доме...

– Мне пришлось довериться кухарке и старшей горничной, сэр, но лишь в определенных пределах. Они знают, что она – моя дочь, но не более того. У них сложилось впечатление, будто она вдова, и я не стал их разубеждать. Как бы я ни сожалел о необходимости прибегать к подобным ухищрениям, сэр, мне показалось, что так будет лучше всего.

– Понимаю... Бриггс, мне нужно все это обдумать. Я...

Слабое позвякивание вдалеке вклинилось в его запинаящуюся речь. Бриггс тут же насторожился. Он слушал Роберта с напряженным вниманием, но сейчас прервал его без всяких церемоний:

– Прошу прощения, сэ. Кажется, это звонит его светлость.

Он пошел к двери. Едва он протянул руку к дверной ручке, как дверь распахнулась – на пороге стояла Камилла. Он остановился едва вовремя, чтобы не столкнуться с ней. Порозовев от смущения, он шагнул назад, пробормотав:

– Прошу прощения, миледи. Я понятия не имел...

– Все в порядке, Бриггс, – сказала Камилла, чуть задыхаясь. – Его светлость хочет, чтобы вы помогли ему подняться наверх. Он решил лечь.

– Хорошо, миледи.

Бриггс удалился быстрым, но размеренным шагом, который является профессиональным секретом дворецких, и Камилла повернулась к Роберту.

– Дай мне сигарету, – отрывисто сказала она.

Роберт протянул ей свой портсигар и поднес зажигалку. Камилла стояла у огня, положив одну руку на каминную полку и глядя вниз, на огонь. Поза была привлекательная, а колеблющиеся отсветы от горящих поленьев придавали яркость и живость ее чертам, которые ценитель женской красоты в обычное время считал бы несколько холодными и бесстрастными. Если Роберт и заметил производимый эффект, то постарался этого не показывать. Он подождал, пока она выкурит половину сигареты, и только потом нарушил молчание.

– Я думал, отец хочет посидеть подольше, – сказал он. – Ему ведь не стало плохо или что-нибудь в этом роде?

– Нет, с ним все в порядке. Он просто пожаловался на усталость.

– Неудивительно, что он устал, если ему пришлось слушать, как Джулиус и эта Карстерс говорят о сахаре.

– Ну, он, по крайней мере, выдержал дольше, чем ты, Роберт, – сказала Камилла, чуть усмехнувшись.

Разговор снова прервался, и непохоже было, что Роберту хочется его возобновлять. Наконец Камилла бросила окурочек в камин и повернулась к нему.

– Ну, – спросила она, – и как прошло обсуждение с Бриггсом?

– Обсуждение? – Роберт тут же насторожился. – О чем ты? Что я должен был с ним обсуждать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.



ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА



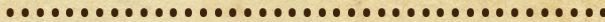
СИРИЛ



ХЕЙР



ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ
УБИЙСТВО



Примечания

1

Титул, носимый по обычаю, не дает права на членство в палате лордов. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

[Вернуться](#)

2

Ланселот Браун (1715–1783), прозванный Умелым Брауном, был английским ландшафтным архитектором, крупнейшим представителем системы английского пейзажного парка.

[Вернуться](#)

3

Лорд Уорбек и Бриггс цитируют Библию (Псалтирь 91:5, 91:6).

[Вернуться](#)

4

То есть примерно с восьмилетнего возраста, когда, согласно британской традиции, мальчики начинали носить полноценные брюки, а не шорты или бриджи.

[Вернуться](#)

5

Счастливи возможности умереть (*лат.*).

[Вернуться](#)

6

Дух времени (нем.).

[Вернуться](#)

7

Строки из стихотворения «Метла, совок, кочерга и каминные щипцы» английского поэта Эдварда Лира (1812–1888), основоположника «поэзии бессмыслицы» (nonsense poetry). Отрывок приведен в переводе Г. Кружкова.

[Вернуться](#)

8

Английская лисья гончая.

[Вернуться](#)